Смирнова Т. М. Бывшие люди Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003.

Фельдман Д. М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006.

Aleksandr Rupasov. Elections to the Petrograd Soviet during the Civil War

The article analyzes the elections to the Petrograd Soviet in 1917–1921. In 1917, elections were held constantly — in factories (in the Soviet, in trade unions), in military units (in committees of different levels and the same Soviet), in public organizations, in the Constituent Assembly, in the city and district Duma. The unprecedented scope of freedom of expression in many cases has allowed attempts to follow certain strict electoral procedures to be interpreted as an attempt on this very freedom and has been suppressed. The need for prompt decision-making during the Civil War, which led to a violation of the balance between the executive and representative institutions, could not but affect the attitude of the population to the elections as an instrument of their participation in the government. "Absenteeism of the population" began to be perceived by the Petrograd authorities with anxiety during this period, as it was a signal of fatigue from the revolution, threatened the new government with the loss of social support.

The new city government was trapped — the indifference of the city mass to a certain extent deprived it of legitimacy, but the provision of real power to the elected bodies was fraught with a potential threat of strengthening the positions of political opponents. The magic of decision-making without regard for advice at any level proved irresistible during the period of relative domestic political stabilization that followed the Civil War. If initially the interest of the Bolsheviks in the "technology" of elections was dictated by the uncertainty of the political situation, which did not inspire much hope for any long-term retention of power, then, thanks to the elimination of opponents, the gradual relegation of representative bodies to the role of an appendage of executive bodies, the establishment of absolute control over the activities of all public organizations without exception, the process of extinction of this interest was objectively started. Attention was focused on forcing people to participate in elections in order to demonstrate to the outside world the enormous support of the population of the existing regime. Refusal to participate in the elections was comparable to a political crime. The organization of election campaigns, albeit indirectly, testified to the indifference (or, to use the terminology of the period 1917 — absenteeism) of a large part of the population.

Key words: Petrograd Soviet, Russian Revolution, elections, representative institutions, Bolsheviks.

Рупасов, Александр Иванович — д.и.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук; член-корреспондент Финляндского исторического общества (Suomen Historiallinen Seura).

Rupasov, Aleksandr Ivanovich — Dr. of Sciences (History), St Petersburg institute of History, Russian academy of Sciences; corresponding member of the Finnish historical society.

E-mail: rupasov_ai@mail.ru

УДК 94(47):342.82
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00076

Е. Д. Твердюкова

Выигрыши по государственным внутренним займам в 1920-е гг. в СССР и проблема нетрудовых доходов (об одном избирательном казусе)

Практика проведения избирательных кампаний в СССР в 1920-е гг. неоднократно становилась предметом исследований историков и юристов. Ограничительное избирательное право, закрепленное конституционно, традиционно рассматривалось как важный шаг на пути к «полной советской демократии», обусловленный необходимостью вытеснения социально-чуждых слоев населения на политическую периферию[1]. Отмечалось, что «практика классовой борьбы пролетариата сама выдвинула организационные схемы, впоследствии закрепленные советским правом и практикой выборов»[2].

В современной историографии лишение избирательных прав считается массовой политической кампанией, носившей репрессивный характер[3] и служившей инструментом преобразования общества[4]. Современные исследователи сосредоточивают основное внимание на анализе нормативно-правовых актов, регулировавших процесс выборов, а также на определении числа лишенцев и характеристике их правового статуса[5]. Наиболее исследованы ограничительные меры в отношении крестьянства[6], священнослужителей[7], нэпманов[8]. Однако некоторые вопросы применения избирательного законодательства 1920-х гг. изучены недостаточно. В данной статье рассматривается проблема лишения избирательных прав лиц, живущих на нетрудовые доходы, полученные в результате крупных выигрышей по государственным внутренним займам.

В ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г.[9] (а также в ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г.[10]) перечислялось семь категорий, лишаемых избирательных прав. В их число входили и лица, живущие на нетрудовые доходы, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества. Таким образом, по логике законодателя, нетрудовыми являлись доходы, полученные не за счет личного общественно-полезного труда[11]. Однако в практике работы избирательных комиссий возникали трудности с толкованием понятия «нетрудовой доход», поскольку легальная дефиниция его отсутствовала, а перечень полученных нетрудовым путем доходов не был закрытым. Нередко поэтому соответствующий пункт Конституции толковался расширительно, по классовому «чутью» членов избиркомов.

Проблема «классового» противостояния отчетливо проявилась в ходе избирательных кампаний конца 1920-х гг. На исходе нэпа курс на ограничение частного сектора в экономике сопровождался ужесточением отношения к социально-чуждым и в политической жизни. Выступая 15 марта 1926 г. на заседании Оргбюро ЦК, И. В. Сталин обрушил критику на тех советских работников, у которых «развились большое благодушие и большая готовность понравиться непролетарским элементам, идти им на уступки. Ежели говорят об оживлении Советов, то некоторые советские работники думают, что всех нужно привлечь, не исключая кулацких и других буржуазных элементов. У нас имеется решение ЦК, что Конституция и выборные права не меняются. Но на практике выходит, что новые группы избирателей появляются — выбирают купцы, кулаки... А делается это для того, чтобы понравиться непролетарским элементам, демонстрировать “широту” взглядов, заслужить похвалу “чистой” публики. Тут нужна троекратная проверка»[12]. Обвинения в адрес местных властей в «извращении» партийной линии прозвучали и из уст В. М. Молотова в ходе его доклада на июльском (1926 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)[13].

Следуя новому курсу, 4 ноября 1926 г. ВЦИК утвердил инструкцию о выборах городских и сельских Советов, в которой избирательным комиссиям предписывалось иметь в виду, что, согласно Конституции РСФСР, лица, жившие или живущие на нетрудовые доходы, подлежат включению в списки лишенных избирательных прав[14]. Появление инструкции вызвало волну запросов с мест в ВЦИК РСФСР, ЦИК СССР и даже ЦК ВКП(б), касавшихся определения круга лишенцев. Массу споров в избиркомах, в частности, вызывал вопрос о характере доходов (процентов и выигрышей), полученных гражданами по массовым внутренним займам.

В СССР уже в 1920-е гг. займы стали одним из основных источников пополнения государственного бюджета. В годы нэпа среди населения было размещено 16 займов (от краткосрочных — со сроком погашения до одного года, до долгосрочных — со сроком погашения до 10 лет), на общую сумму свыше миллиарда рублей. Если первые займы предназначались для ограниченного

круга лиц (например, 5%-ный выигрышный заем 1925 г. распространялся преимущественно среди нэпманов), то в последующем основная ставка была сделана на средства всего трудового населения: рабочих, служащих, лиц свободных профессий, а также крестьянства.

Принудительное размещение займов запрещалось с 1 марта 1925 г. Но, испытывая дефицит средств для нужд капитального строительства, правительство использовало метод коллективной подписки с рассрочкой платежа и вычетом соответствующих сумм из зарплаты трудящихся. Облигации навязывались при выдаче жалованья, расчетах за сдачу хлеба, сельсоветы отказывали в регистрации браков лицам, не подписавшимся на заем. Уже к концу 1927 г. из общей суммы госдолга в 762,2 млн руб. на долю частных лиц, купивших ценные бумаги в добровольном порядке, приходился всего 121 млн руб. На протесты с мест финансовое ведомство разъясняло, что «выдача рабочим облигаций выигрышного займа отнюдь не является методом скрытой конфискации зарплаты. Скорее, ее можно назвать принудительным сбережением части зарплаты со страхованием ее от обесценения»[15]. Фактически сложилась ситуация, при которой обыватель не мог уклониться от подписки.

В ходе проведенного в 1929 г. анкетного обследования займодержателей выяснилось, что 45,8% респондентов приобретали облигации, чтобы выиграть. Для 44,1% опрошенных побудительным мотивом стало желание сберечь деньги. 79,6% участников опроса предполагали сохранить свои ценные бумаги в виде сбережений[16]. Однако в реальной жизни граждане, понуждаемые к подписке, продавали или закладывали (в терминологии тех лет «сбрасывали») облигации. Например, когда полностью был оплачен первый заем индустриализации народного хозяйства 1927 г., в кредитные учреждения перешло около половины всей суммы займа. Нарком финансов СССР Н. П. Брюханов даже просил запретить членам партии «сброс» бумаг. В марте 1929 г. секретариат ЦК ВКП(б) по прямому указанию И. В. Сталина дал распоряжение местным парторганизациям, чтобы коммунисты преждевременно не продавали и не закладывали облигаций[17].

По итогам размещения государственного 6%-ного внутреннего займа индустриализации народного хозяйства 1927 г. (в ходе которого облигации были распределены среди 8 млн чел.) средняя сумма подписки у рабочих составила 33,86 руб., у служащих — 43,78 руб.[18] Выиграть же можно было от 10 до 100 тыс. руб. Конечно, по-настоящему крупные выигрыши выпадали нечасто. Например, по первому займу индустриализации 100 тыс. и 50 тыс. руб. не достались никому, на 38 облигаций пали выигрыши по 25 тыс. руб., на 190 — по 10 тыс. руб., на 380 — по 5 тыс. руб. По 10%-ному внутреннему выигрышному займу 100 тыс. руб. также никто не выиграл, 30 чел. получили по 50 тыс. руб., 54 чел. — по 25 тыс. руб., 114 чел. — по 10 тыс. руб.[19]

Всего за 1920-е гг. было зафиксировано 40 выигрышей по 100 тыс. руб., 90 — по 50 тыс. руб., 192 — по 25 тыс. руб., 504 — по 10 тыс. руб., 825 — по 5 тыс. руб.[20]

Вопрос, связанный с избирательным статусом владельцев крупных выигрышей, не был урегулирован законодательно. Так, в гл. 3 инструкции ВЦИК «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» от 13 октября 1925 г. речь шла только о лицах, получавших проценты с облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов[21]. Если эти доходы не являлись основным источником существования, получавшие их граждане не лишались избирательных прав[22].

Но проценты по займам составляли столь ничтожные суммы, что стать советским рантье можно было только лишь скупив изрядное количество ценных бумаг. Например, по 25-рублевым облигациям первого займа индустриализации 1927 г. начислялись проценты в размере 6% годовых (1,5 руб.), выплачивавшиеся в два срока (1 марта и 1 октября каждого года). Поскольку подавляющее большинство трудящихся владели облигациями на мелкие суммы, процентный доход не представлял для них интереса. Не случайно в ходе анкетирования держателей ценных бумаг 56,8% респондентов потребовали уменьшить или даже вовсе упразднить процентный доход по купонам, заменив его увеличением количества выигравших[23].

Шансы же выиграть по облигациям вышеупомянутого займа оценивались как 1:343. Уже в ходе первого тиража в декабре 1927 г. предполагалось 23 300 выигрышей на сумму 3 001 500 руб., в том числе один выигрыш в 25 тыс. руб., пять выигрышей — по 10 тыс. руб.[24] Однако следует ли лишать избирательных прав лиц, получивших крупный выигрыш, инструкция ВЦИК не разъясняла.

На заседании комиссии по перевыборам Иваново-Вознесенского городского совета этот вопрос вызвал оживленную дискуссию. С формальной стороны казалось бесспорным, что лицо, живущее на выигранные деньги, должно быть лишено избирательных прав. В период, когда нормой социалистического общежития провозглашался бытовой аскетизм, любое крупное имущественное приращение воспринималось как социально несправедливое, получение которого осуждалось если не законом, то коммунистической моралью. Такой подход соответствовал и курсу партии на вытеснение на политическую периферию непролетарских элементов. Губернская избирательная комиссия вынесла постановление, согласно которому трудящийся, получивший крупный выигрыш и оставивший вследствие этого работу, подлежит лишению избирательных прав как лицо, живущее на нетрудовые доходы[25]. Но среди «безголосых» (именно так в «Спутнике Советов» — издании Иваново-Вознесенского губисполкома и горсовета — назывались лишенцы) оказались рабочие с большим производственным стажем. Н. Кунина, направившая письмо с изложением этих фактов в редакцию газеты «Рабочий край», назвала данное решение лишенным всякой логики: рабочий, получив возможность отдохнуть («узаконенную советской властью»), уступал свое место у станка одному из тысяч голодных безработных, так являлся ли его поступок асоциальным?

Ввиду массовости запросов относительно законности лишения прав обладателей крупных выигрышей Наркомат финансов собрал статистику, согласно которой около пятой части выигрышей падало на нетрудовые слои населения, половина — на трудящихся, остальные — на государственные и общественные организации. Так, в ходе тиража 1-го займа индустриализации на облигации, распространенные среди трудового населения, пало 13 выигрышей, среди нетрудового — 2; по 10%-ному выигрышному займу 1927 г. — 40 и 18; по выигрышному займу 1926 г. — 42 и 47; по первому выигрышному займу 1922 г. — по 21[26].

По мнению наркома финансов СССР Н. П. Брюханова, решение Иваново-Вознесенского избиркома не могло считаться правильным, поскольку облигации предназначались для реализации преимущественно среди трудовых слоев населения. Количество выигрышей и их суммы определялись государством. Агитация и пропаганда объявляли подписку гражданским долгом каждого. Нарком опасался, что государственным финансам может быть нанесен существенный ущерб вследствие распространения среди населения массовых слухов о неизбежности репрессий в отношении выигравших. Исключение из списков избирателей за пользование выигрышем он предлагал расценить как нарушение данных государством обещаний, тем более что подобная практика ударила по проводимым правительством подписным кампаниям[27]. Это и неудивительно, ведь лишение избирательных прав воспринималось как «позорное пятно» на биографии. В жалобах лишенцев встречались такие выражения: «Не хочу быть в одной компании с жандармами, попами, помещиками и подобными им крокодилами»[28]. Еще более существенное значение имела дискриминация «безголосых» при распределении жилья, при поступлении в высшие учебные заведения, а после введения карточной системы они оказались на грани физического выживания. Вычеркивание из жизни социума «действительно пролетарских элементов», волею случая (а от себя добавим — ввиду принудительной подписки зачастую прямо против воли) оказавшихся обладателями солидных денежных сумм, объявлялось идеологической ошибкой, противоречащей к тому же экономической политике государства[29].

Сколько обладателей выигрышных облигаций было в действительности лишено права голоса, к сожалению, выяснить не удалось. Но число соответствующих обращений оказалось достаточным для того, чтобы специальная комиссия из двух членов и секретаря Центризбиркома РСФСР, представителей прокуратуры республики, ОГПУ, Реввоенсовета и ВЦСПС обратилась с запросом в Президиум ЦИК СССР[30].

На заседании 17 октября 1928 г. был заслушан доклад помощника начальника валютного управления Наркомата финансов СССР Гольдберга. Участники обсуждения приняли к сведению то обстоятельство, что выигрыши являлись закрепленным законом обещанием правительства вознаградить трудящегося за то, что он доверил свои сбережения государству. Этим предопределялось, что получение выигрыша не переводит трудового владельца облигаций

в разряд лиц, лишенных избирательных прав, и не исключает его из числа полноправных граждан Советского Союза. Было принято решение разъяснить, что лица, живущие только на доходы от выигрышей по государственным займам (т.е. не занимающиеся общественно-полезным трудом), не могут быть лишены избирательных прав, если для этого нет других оснований[31].

Председатель Всероссийской центральной избирательной комиссии А. С. Киселев, характеризуя основные нарушения в ходе кампании 1928/29 г., главной их причиной назвал отсутствие подготовленных сотрудников избиркомов, незнание законодательства, а зачастую и нежелание тратить время на его изучение[32]. Именно этим он объяснял ошибки при определении круга лишенцев. Однако он умолчал о том, что при отсутствии детальной регламентации процедуры составления списков избирателей желание соответствовать озвученным высшим руководством страны установкам создавало благоприятную среду для злоупотреблений на местах. И «безголосым» предстояло самостоятельно доказывать необоснованность лишения прав. Как ни удивительно, в случае с обладателями крупных выигрышей репрессивный механизм дал сбой. Думается, что определяющую роль при этом сыграли экономические обстоятельства: потребность в народных сбережениях для финансирования гигантов индустрии заставила скорректировать практику применения понятия «нетрудовой доход» и предоставить избирательные права обладателям крупных выигрышей по займам во избежание распространения ненужных слухов, которые могли снизить поступления от подписных кампаний.

В соответствии и в развитие Инструкции о выборах в Советы, утвержденной Президиумом ЦИК Союза ССР 3 октября 1930 г., Президиум ВЦИК утвердил и ввел в действие на всей территории РСФСР Инструкцию о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР. В ней подтверждалось, что не могут быть лишены избирательных прав лица, живущие на доходы от выигрышей и на проценты по государственным займам[33].

1 См., напр.: *Архипов В. А., Морозов Л. Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х гг. М., 1978.
2 *Бродович С. М.* Советское избирательное право. Л., 1925. С. 62–63.
3 Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996. С. 3.
4 *Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920-е — 1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999. С. 49.
5 См., например: *Белоновский В. Н., Кальгина А. А.* Правовое положение лишенцев и степень их угрозы советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3; *Валуев Д. В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; *Саламатова М. С.* Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России 1918–1936 гг.: эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12; *Федорова Н. А.* Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4.
6 *Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. 2-е изд. М., 2010 (История сталинизма); *Панкратова О. Б., Писанов С. С.* Государственная политика по лишению избирательного права крестьянства в 20–30-е годы XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3.
7 *Москаленская Д. Н.* Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х — середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403.
8 *Шейхетов С. В.* Нэпманы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск, 2007.
9 СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
10 СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
11 Только в 1963 г. пленум Верховного Суда СССР указал, что, если доходы получены правомерно, в частности, за счет деятельности, не связанной с нарушением закона, они не могут быть признаны нетрудовыми. Ряд советских правоведов предлагал называть такие доходы (в том числе выигрыш по государственному займу или лотерее, проценты по денежным вкладам в сберкассы, наследство) легальными нетрудовыми доходами. См.: *Гилинский Я. И., Малинина Т. М.* Социально-экономические и правовые проблемы нетрудовых доходов // Правоведение. 1988. № 3. С. 43.
12 О плане работы Оргбюро ЦК на март–август 1926 г. // Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 16/17. С. 2.
13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83.
14 СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.
15 *Юровский Л.* К истории и к теории наших государственных займов // Вестник финансов. 1929. № 1. С. 8.
16 *Торчин Я.* Опыт анкетного обследования в области государственных займов // Вестник финансов. 1929. № 3. С. 135.
17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 710. Л. 8.
18 *Торчин Я.* Опыт анкетного обследования в области государственных займов. С. 135.
19 РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 413. Л. 7.
20 Там же.
21 СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.
22 СЗ СССР. 1926. № 66. Ст. 501.
23 *Торчин Я.* Опыт анкетного обследования в области государственных займов. С. 135.
24 *А. М.* Заем индустриализации // Спутник Советов. 1927. № 17. С. 10–11.
25 РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 413. Л. 1 об.
26 Там же. Л. 3.
27 Там же. Л. 1 об.
28 *Р.* Жалобы лишенцев // Власть Советов. 1928. № 2. С. 21.
29 *Зайцев П.* Кого и почему Советская власть лишает избирательных прав. М., 1931. С. 52.
30 *Р.* Лишение избирательных прав (по жалобам лишенцев в Центризбирком) // Власть Советов. 1928. № 46. С. 9.
31 В Центризбиркоме // Власть Советов. 1928. № 47. С. 28.
32 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 106. Д. 525. Л. 15.
33 СЗ СССР. 1930. № 50. Ст. 524.

References

ARHIPOV V. A., MOROZOV L. F. *Borba protiv kapitalisticheskih elementov v promyshlennosti i torgovle. 20 — nachalo 30-h gg.* [Fight against capitalist elements in the industry and trade. the 20s — the beginning of the 30s. In Russ.]. Moscow, 1978.

BELONOVSKIJ V. N., KALGINA A. A. *Pravovoe polozhenie lishencev i stepen ih ugrozy sovetskoj vlasti* [Legal status of *lishenets* and extent of their threat of the Soviet power. In Russ.] // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2014. N 3.

BRODOVICh S. M. *Sovetskoe izbiratel'noe pravo* [Soviet voting right. In Russ.]. Leningrad, 1925.

FEDOROVA N. A. *Lishency 1920-h godov: sovetskoe soslovie otverzhennyh* [*Lishentsi* 1920s years: Soviet estate of outcast. In Russ.] // Zhurnal issledovanij socialnoj politiki. 2007. T. 5. N 4.

GILINSKIJ Ya. I., MALININA T. M. *Socialno-ekonomicheskie i pravovye problemy netrudovyh dohodov* [Social and economic and legal problems of unearned incomes. In Russ.] // Pravovedenie. 1988. N 3.

KRASILNIKOV S. A., SALAMATOVA M. S., UShAKOVA S. N. *Korni ili shhepki. Krestyanskaya semya na speczposelenii v Zapadnoj Sibiri v 1930-h — nachale 1950-x gg.* [Roots or chips. Country family on the special settlement in Western Siberia at the 1930s — beginning of the 1950s. In Russ.]. 2nd ed. Moscow, 2010 (Istoriya stalinizma).

MOSKALENSKAYa D. N. *Lishenie i vosstanovlenie v izbiratelnyh pravax pravoslavnyh cerkovnosluzhitelej Zapadnoj Sibiri v seredine 1920-h — seredine 1930-h gg.* [Deprivation and restoration in voting rights of orthodox clergymen of Western Siberia in the middle to the 1920s — middle of the 1930s. In Russ.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. N 403.

PANKRATOVA O. B., PISANOV S. S. *Gosudarstvennaya politika po lisheniyu izbiratelnogo prava krestyanstva v 20–30-e gody XX veka* [Public policy on deprivation of a voting right of the peasantry in the 20–30s years of the 20th century. In Russ.] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 3.

SALAMATOVA M. S. *Lishenie i vosstanovlenie v izbiratelnyh pravax v Sovetskoj Rossii 1918–1936 gg.: evolyuciya pravovogo regulirovaniya* [Deprivation and restoration in voting rights in the Soviet Russia 1918–1936: evolution of legal regulation. In Russ.] // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2015. N 12.

Socialnyj portret lishencza (na materialax Urala) [Social portrait of lishenets (on materials of the Urals). In Russ.] / Ed. T. I. Slavko. Ekaterinburg, 1996.

ShEJHETOV S. V. *Nepmany* [Nepmans. In Russ.] // Marginaly v sociume. Marginaly kak socium. Sibir (1920–1930-e gody). 2nd ed. Novosibirsk, 2007.

TIKHONOV V. I., TYaZhELNIKOVA V. S., YUSHIN I. F. *Lishenie izbiratelnyh prav v Moskve v 1920-e — 1930-e gody. Novye arhivnye materialy i metody obrabotki* [Disfranchisement in Moscow in the 1920s — the 1930s years. New archival materials and methods of processing]. Moscow, 1999.

TORCHIN Ya. *Opyt anketnogo obsledovaniya v oblasti gosudarstvennyh zajmov* [Experience of biographical inspection in the field of the state loans. In Russ.] // Vestnik finansov. 1929. N 3.

VALUEV D. V. *Lishency v sisteme socialnyh otnoshenij (1918–1936 gg.) (na materialax Smolenskoj gubernii i Zapadnoj oblasti)* [*Lishengci* in the system of the social relations (1918–1936) (on materials of the Smolensk province and Western area)]. Smolensk, 2012.

YuROVSKIJ L. *K istorii i k teorii nashih gosudarstvennyh zajmov* [To history and to the theory of our state loans] // Vestnik finansov. 1929. N 1.

ZAJCEV P. *Kogo i pochemu Sovetskaya vlast lishaet izbiratelnyh prav* [Whom and why the Soviet power deprives of voting rights. In Russ.]. Moscow, 1931.

Список литературы

Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х гг. М., 1978.

Белоновский В. Н., Кальгина А. А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 3.

Бродович С. М. Советское избирательное право. Л., 1925.

Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012.

Гилинский Я. И., Малинина Т. М. Социально-экономические и правовые проблемы нетрудовых доходов // Правоведение. 1988. № 3.

Зайцев П. Кого и почему Советская власть лишает избирательных прав. М., 1931.

Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. 2-е изд. М., 2010 (История сталинизма).

Москаленская Д. Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х — середине 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403.

Панкратова О. Б., Писанов С. С. Государственная политика по лишению избирательного права крестьянства в 20–30-е годы XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3.

Саламатова М. С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России 1918–1936 гг.: эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12.

Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) / Отв. ред. Т. И. Славко. Екатеринбург, 1996.

Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-е — 1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1999.

Торчин Я. Опыт анкетного обследования в области государственных займов // Вестник финансов. 1929. № 3.

Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4.

Шейхетов С. В. Нэпманы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск, 2007.

Юровский Л. К истории и к теории наших государственных займов // Вестник финансов. 1929. № 1.

Е. Д. Твердюкова. Выигрыши по государственным внутренним займам в 1920-е гг. в СССР и проблема нетрудовых доходов (об одном избирательном казусе)

На основе анализа нормативно-правовых актов и делопроизводственных документов в статье изучается проблема лишения избирательных прав лиц, живущих на нетрудовые доходы, в частности получивших крупные выигрыши по государственным внутренним займам 1920-х гг. Автор показывает, что на работу избирательных комиссий существенное влияние оказала политическая конъюнктура, обусловленная свертыванием нэпа. Курс на ограничение частного сектора в экономике сопровождался ужесточением отношения к социально-чуждым элементам и в политической жизни. В связи с этим лица, оставившие работу и живущие на выигрыш по облигациям, лишались избирательных прав. Однако потребность в народных сбережениях для финансирования гигантов индустрии заставила скорректировать практику применения понятия «нетрудовой доход» и предоставить избирательные права обладателям крупных выигрышей по займам во избежание распространения ненужных слухов, которые могли снизить поступления от подписных кампаний.

Ключевые слова: избирательное право, выборы, нетрудовые доходы, лишение избирательных прав, государственные займы, выигрыш.

E. D. Tverdyukova. Prizes on the state domestic loans in the 1920s in the USSR and a problem of unearned incomes (about one selective incident)

On the basis of the normative legal acts and office work documents in article the problem of disfranchisement of the persons living on unearned incomes is studied, in particular, during the 1920s, who received big prizes on the state domestic loans. The author shows that the political environment caused by folding of the New Economic Policy had significant effect on work of electoral commissions. The course towards restriction of the private sector in economy was followed by toughening of the relation to social and alien elements and in political life. In this regard the persons who gave up work and living on a prize on bonds lost voting rights. However the need for national savings for financing of giants of the industry forced to correct practice of application of the concept "unearned income" and to grant voting rights to owners of big prizes on loans in order to avoid distribution of unnecessary rumors which could reduce receipts from subscription campaigns.

Key words: voting right, elections, unearned incomes, disfranchisement, state loans, prize.

Твердюкова, Елена Дмитриевна — д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН СССР, ведущий научный сотрудник.

Tverdyukova, Elena — Dr. of Sciences (History), St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, major scientist.

e-mail: tvelena@bk.ru